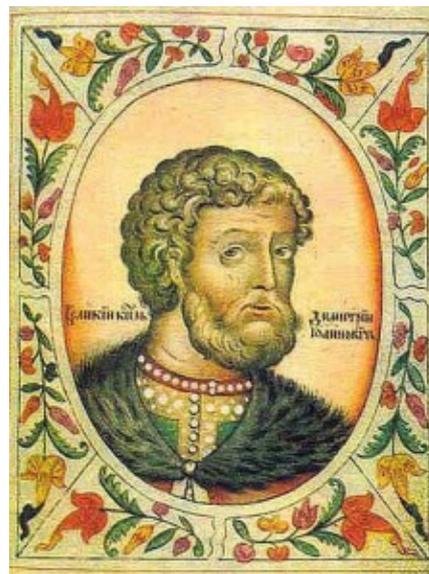

Димитрий Донской

Дмитрий Донской.
Миниатюра из
«Царского
Титулярника». 1672
год

Димитрий Иоаннович, Донской (1350 – 1389), великий князь Московский (1359-89), великий князь Владимирский (1362-89), святой благоверный

Память 19 мая, 9 мая (Греч. [1]), в Соборах Московских, Костромских, Радонежских и Тульских святых

Родился 12 октября 1350 года, сын Ивана II Ивановича Красного.

Отец Димитрия скончался 13 ноября 1359 г., когда княжичу было 9 лет. Реальная власть оказалась в руках советников покойного великого князя во главе с московским тысяцким В. В. Вельяминовым. Воспитание и обучение Димитрия проходило под наблюдением митр. Алексия [2].

Великий князь Московский

Положение Московского княжества было неблагоприятным. В 1360 г. в Орде Владимирское великое княжение, ярлык на которое ранее получали московский кн. Иоанн I Даниилович Калита и его сыновья, по решению хана Навруза было передано не Дмитрию Иоанновичу, а суздальскому кн. Дмитрию (Фоме) Константиновичу; местным князьям были даны ярлыки на Галичское княжество (Дмитрию Борисовичу) и половину Ростовского княжества (Константину Васильевичу) – владения, которые присоединил к московским землям Иоанн Калита. Кроме того, новгородцы пригласили к себе на княжение вел. кн. Дмитрия Константиновича. В начале 1359 г. в Киеве по приказу Литовского вел. кн. Ольгерда был арестован наиболее авторитетный среди советников вел. кн. Иоанна Красного митр. Алексей, объезжавший храмы Киевской митрополии; в течение почти года святитель не мог вернуться в Москву.

Орда стремилась отодвинуть на задний план слишком усилившееся Московское княжество. Смуты, которые привели в нач. 1360-х годов к распаду Орды на ряд враждующих между собой политических образований, открыли для московских князей возможность возобновить борьбу за великое княжение.

Вокняжение во Владимире

В 1362 г., получив ярлык от одного из соперничавших между собой ханов, московские бояре со своим 12-летним князем, его младшим братом Иваном, а также его двоюродным братом св. кн. Владимиром Андреевичем Храбрым собрали войско и выгнали вел. кн. Дмитрия Константиновича из Владимира. Московское войско подступало уже к Суздалю, когда Дмитрий Константинович, обзаведясь новым ярлыком, попытался вернуться во Владимир. Под военным нажимом суздальский князь был вынужден согласиться с переходом великокняжеского стола к 13-летнему Дмитрию Иоанновичу. После того как Московский вел. князь помог Дмитрию Константиновичу вернуть себе нижегородский стол,

который во время борьбы за великое княжение захватил его младший брат кн. Борис Городецкий, между московским и нижегородским князьями был заключен не только прочный мир, но и династический союз, скрепленный в январе 1366 г. браком Дмитрия Иоанновича и младшей дочери Дмитрия Константиновича – св. Евдокии Дмитриевны (Евфросинии); ее старшая сестра Мария тогда же была выдана замуж за Микулу Васильевича, одного из 4 сыновей влиятельного московского тысяцкого В. В. Вельяминова.

В 1363–1364 гг. войско вернуло Москве утраченные было галичские и ростовские земли. Ряд княжеских столов, напр. в Ростове и Стародубе, был занят князьями, ориентировавшимися на Москву. Все это означало утверждение политической гегемонии московского князя в северо-восточной Руси, полное восстановление утраченных ранее позиций. Раздробленная Орда оказалась не в состоянии помешать происшедшим переменам. Кн. Дмитрию Константиновичу не помог ханский ярлык на великое княжение, а его брату кн. Борису – ханский ярлык на нижегородский стол. Эти успехи были делом рук советников отца Дмитрия Иоанновича и митр. Алексия, фактически возглавлявшего Боярскую думу и выступавшего в качестве опекуна молодого московского князя. В летописном рассказе о борьбе за владимирский стол неоднократно указывается, что в военных походах Дмитрия Иоанновича сопровождали «все бояре». Московское боярство являлось опорой политики вел. князя, направленной на объединение русских земель под его верховной властью. В княжение Дмитрия Иоанновича окончательно сформировался тот круг боярских родов, на которых в дальнейшем опиралась политика вел. князей Московских по объединению великорусских земель. В исторической традиции сохранилась память об особо тесных, дружеских отношениях, соединявших Дмитрия Иоанновича и его бояр.

С середины 1360-х годов есть основание говорить уже о самостоятельной политике Дмитрия Иоанновича, которая, впрочем, продолжала политику, проводившуюся в предшествующие

годы. О немалых политических амбициях молодого вел. князя говорит принятое им сразу после свадьбы решение построить в Москве каменный Кремль – первое сооружение такого рода на всей территории северо-восточной Руси.

Одной из важных задач политики правителей Москвы во второй половине 1360-х годов стало укрепление ее влияния в Тверской земле, правители которой в первой четверти этого столетия были главными соперниками московских князей в борьбе за великое княжение. Вмешавшись в спор между тверскими князьями, Дмитрий Иоаннович выслал войско на помощь кн. Василию Михайловичу, боровшемуся со своим племянником Михаилом Александровичем, правившим в удельном г. Микулине. Этот шаг имел важные политические последствия. Михаил Александрович, вынужденный на время покинуть свои владения, обратился за помощью в Литву и вернулся в Тверь осенью 1367 г. с литовским войском. Его тверские противники и Дмитрий Иоаннович были вынуждены заключить с ним мир. Из-за Тверского княжества возникла перспектива серьезного и опасного для Москвы конфликта с Литовским великим княжеством.

Конфликт с Литвой

Смуты в Орде создали благоприятные условия для экспансии Литвы на юг и восток. В начале 1360-х годов под власть вел. кн. Ольгерда перешел главный центр Черниговской земли – Брянск, тогда же литовская власть окончательно утвердилась в Киеве, где на княжение был посажен Владимир (Василий) Ольгердович, даже в далекой Подолии утвердились племянники Ольгерда – Кориатовичи. Великое княжество Литовское стало самым крупным и могущественным государством на территории Восточной Европы. Ольгерд стремился подчинить своему влиянию и те русские земли, которые не входили в состав его государства. К этой цели вело заключение брачных связей. Ольгерд вторым браком был женат на св. Иулиании Александровне – сестре Михаила Александровича Тверского. На дочери Литовского вел. князя был женат городецкий кн. Борис Константинович, на другой дочери – один

из наиболее влиятельных черниговских князей – Иоанн Новосильский. Вырисовывалась перспектива политического объединения русских земель под властью литовских князей-язычников. Обращение кн. Михаила Александровича за помощью давало Ольгерду весомый повод для вмешательства в политическую жизнь Северо-Восточной Руси.

Московский вел. князь и митр. Алексей не испугались конфликта с сильным и опасным противником. Уже в 1368 г. в Москве стали готовиться к большой войне с Ольгердом. Были заключены скрепленные присягой соглашения с вел. кн. Смоленским Святославом Ивановичем и черниговскими князьями о совместном выступлении против Ольгерда. Уже в начале 1368 г. двоюродный брат Дмитрия Иоанновича серпуховской кн. Владимир Андреевич занял г. Ржев. Однако задуманный план осуществить не удалось. Война началась вступлением московских войск во владения Михаила Тверского и его бегством в Литву. Между тем союзники не поддержали Дмитрия Иоанновича, напротив, «смоленская сила» участвовала в военных действиях на литовской стороне. Осенью 1368 г. Ольгерд скрытно собрал большое войско и в конце ноября неожиданно напал на Московское княжество. Дмитрий Иоаннович не успел собрать войско и сел в осаду в Кремле. Литовцы не смогли взять каменную крепость и ушли, разорив окрестности города и уведя много пленных.

Это не заставило князя Дмитрия прекратить борьбу. В 1370 г. его воеводы ходили походом к Брянску, выгнали из его владений кн. Иоанна Новосильского, зятя Ольгерда, а в сентябре 1370 г. сам князь Дмитрий предпринял поход в Тверскую землю, и кн. Михаилу Александровичу пришлось снова уехать в Литву. Ответом на эти действия стал второй поход Ольгерда на Москву поздней осенью-зимой 1370 г.: 6 декабря войска Ольгерда подошли к Москве и 8 дней стояли под стенами Кремля. Однако в г. Перемышле на р. Протве, недалеко от Москвы, где «затворился» князь Дмитрий, собрались русский отряды во главе с Владимиром Андреевичем, к которым присоединились союзники из Рязани и Пронска. По инициативе Ольгерда было заключено перемирие, и он

увел свое войско. Все это свидетельствовало о том, что стремление Литвы подчинить своему влиянию княжества Северо-Восточной Руси сталкивалось со все более серьезными трудностями.

Вмешательство Орды

К этому времени положение осложнилось вмешательством Орды в борьбу между Москвой и Тверью. В итоге смут, охвативших Ордынское государство, к концу 1360-х годов оно распалось на 3 части: восточную, т. н. Кок-Орду с центром в г. Сыгнаке на Сырдарье, центральную – земли Среднего и Нижнего Поволжья, где находилась ордынская столица Сарай, и западную – между Волгой и Днепром, правителем которой был могущественный эмир Мамай, державший на престоле своих ставленников – потомков Чингисхана. Ордынская знать, правившая в землях Поволжья, не обладала большой военной силой, ее земли постоянно пытались захватить то Мамай, то правители Кок-Орды. С Кок-Ордой у русских князей никаких связей не было, некоторые князья (в их числе Дмитрий Константинович) в первой половине 60-х годов еще признавали власть сарайских ханов, но в дальнейшем перестали с ними считаться. В 60-х гг. Дмитрий Иоаннович сидел на вел. княжении, располагая ярлыком ставленника Мамай хана Абуллаха. Осенью 1370 г. «из Литвы» к Мамаю направился тверской кн. Михаил Александрович хлопотать о получении ярлыка на Владимирское великое княжение. Этот шаг, предпринятый при поддержке Литовского вел. кн. Ольгерда, существенно изменял характер конфликта между Москвой и Тверью. Теперь речь шла о попытке утвердить связанного с Литвой тверского князя в качестве первого среди князей Северо-Восточной Руси. Мамай, не заинтересованный в усилении Москвы, выдал ему такой ярлык, но население великого княжества не приняло Михаила Александровича, была сделана попытка его задержать. Правителю Твери вновь пришлось бежать в Литву. Его претензии на великое княжение должен был поддержать второй поход Ольгерда на Москву, но эта цель не была достигнута.

Ольгерд перестал поддерживать кн. Михаила Александровича и стал искать соглашения с Москвой. В июне 1371 г. Москву посетили литовские послы. При участии митр. Алексия было заключено соглашение о браке кн. Владимира Андреевича с дочерью Ольгерда Еленой. В январе-феврале 1372 г. брак был заключен. Возможно, т. о. Ольгерд рассчитывал в дальнейшем привлечь Владимира Андреевича на свою сторону, но внести разлад в отношения между двоюродными братьями ему не удалось. Уже в 1360-х годах советники Дмитрия Иоанновича прилагали усилия, чтобы заинтересовать удельного князя в поддержке старшего брата; на территории великого княжения Владимирского появились земли, принадлежавшие боярам и слугам Владимира Андреевича. Заботился об укреплении отношений между братьями митр. Алексей. По его «челобитью» Дмитрий Иоаннович передал двоюродному брату Лужу и Боровск. Позднее, во время совместной борьбы против Михаила Тверского, он передал Владимиру Андреевичу, потомку по матери галичских князей, Галич и Дмитров. «Розмирье» между братьями произошло лишь в самом конце правления Дмитрия Иоанновича.

Кн. Михаил Александрович Тверской продолжал искать поддержки в Орде и в апреле 1371 г. вернулся в Тверь с ярлыком на Владимирское великое княжение. Однако его жители снова не приняли тверского князя, и тогда Михаилу Александровичу пришлось силой захватывать земли Владимирского великого княжества. В этих условиях московским политикам в нач. лета 1371 г. удалось заключить с Великим Новгородом договор о союзе, направленном против Твери и ее возможного союзника Литвы. Постоянная поддержка Михаила Александровича со стороны Мамаю встревожила московских политиков. В июне 1371 г. Дмитрий Иоаннович с большими дарами отправился к Мамаю, до Оки его провожал митр. Алексей. В Орде, обязавшись выплатить большой «выход», князь Дмитрий добился ярлыка на великое княжение от нового хана Мухаммед-Булака. В отсутствие вел. князя войска Михаила Александровича несколько раз вторгались на территорию Владимирского великого княжества, и некоторые земли (напр., Бежецкий Верх) ему удалось захватить. Опасаясь

нападения тверских войск, Великий Новгород заключил соглашение с правителем Твери как вел. князем и обязался принять его наместников, «если вынесут тебе из Орды княжение великое».

Любутское соглашение. Окончание конфликта с Тверью и Литвой

Осенью 1371 г. Дмитрий Иоаннович вернулся из Орды с великокняжеским ярлыком. Всем пришлось выплачивать тяжелую дань, но и в этих условиях население Владимирского великого княжества не стало переходить на сторону Михаила Тверского, что фактически предрешило исход борьбы, несмотря на то что на стороне правителя Твери снова выступила Литва. Весной 1372 г. на помощь Михаилу Александровичу пришла литов. рать во главе с братом Ольгерда кн. Кейстутом. Войска тверского князя взяли Дмитров, а войска Кейстута разорили округу Переяславля Залесского. Литовско-тверское войско также заняло Торжок, где Михаил Александрович посадил своих наместников. 31 мая 1372 г. при попытке новгородцев выгнать их из Торжка правитель Твери нанес новгородцам страшное поражение. Для закрепления достигнутых успехов Ольгерд вместе с тверским князем в третий раз выступил в поход на Москву. В июле 1372 г. на Оке, у г. Любутска, литовско-тверское войско встретил князя Дмитрия Иоанновича со своим войском. На его стороне выступили рязанские князья и «великий князь Роман» – старший среди черниговских князей. Ольгерд не решился на сражение, и стороны заключили перемирие. В грамоте о перемирии как союзники Дмитрия Иоанновича указаны рязанские князья и «великий князь Роман». По одному из его условий Михаил Тверской обязывался вернуть имущество, захваченное им на территории великого княжества, а Дмитрий Иоаннович получал право выслать тверских наместников. В случае новых нападений правителя Твери на земли Владимирского великого княжества литовские князья Ольгерд и Кейстут обязывались не вмешиваться в отношения между московским и тверским правителями.

Заключенное в 1372 г. соглашение положило конец попыткам

литов. князей вмешиваться в политическую жизнь княжеств Северо-Восточной Руси, чтобы подчинить их своей власти и влиянию. В упорной борьбе Дмитрий Иоаннович не только остановил литов. наступление, но и вырвал из-под литов. влияния княжества Черниговской земли, расположенные в верховьях Оки. Тем самым для русских земель этого региона была обеспечена возможность самостоятельного развития. Утратив поддержку Литвы, Михаил Александрович Тверской был вынужден искать мира с Москвой и Вел. Новгородом. По соглашению, заключенному в январе 1374 г., правитель Твери свел своих наместников с территории великого княжения и обязался вернуть Вел. Новгороду имущество и пленных, захваченных при взятии Торжка. Руководящая роль Москвы в политической жизни Северо-Восточной Руси упрочилась, и ее глава, Дмитрий Иоаннович, выступил в последующие годы как объединитель русских княжеств в их борьбе с Ордой.

Война с Ордой и Литвой

Напряжение в отношениях Орды Мамаю с русскими княжествами стало нарастать с 1373 г., когда ордынские войска напали на Рязанскую землю и Дмитрий Иоаннович, «собрав всю силу княжения великого», стоял на Оке, ожидая набега ордынцев. Военное напряжение нарастало и в следующем году, рус. летописец кратко отметил: *«А князю великому Дмитрию Московскому бышетъ розмирие с татари и с Мамаем»*. В конце ноября 1374 г. в Переяславле собрался съезд князей, по предположению ряда исследователей, здесь было принято общее решение о борьбе с Ордой Мамаю. По инициативе вел. князя Московского была прекращена выплата тяжелого «выхода». Началась война. В 1375 г. войска Мамаю разорили юж. районы Нижегородского княжества.

Новым обострением отношений между Дмитрием Иоанновичем и Ордой попытался воспользоваться Михаил Тверской, чтобы захватить великокняжеский стол. 13 июля 1375 г. ему привезли из Орды Мамаю ярлык на Владимирское великое княжение. Надеюсь

на поддержку Орды, правитель Твери разорвал мир с Москвой и вновь захватил часть территории великого княжения. Однако на этот раз он оказался в полной изоляции. В начавшемся в конце июля походе на Тверь вместе с московской ратью приняли участие войска почти всех князей Северо-Восточной Руси, черниговские союзники Дмитрия Иоанновича и даже «князь Иван Васильевич Смоленский». В заключенном позднее мирном договоре «великий князь Смоленский» фигурировал как союзник вел. князя Московского. Это свидетельствует о том, что к 1375 г. Смоленск разорвал отношения с Литвой и перешел на московскую сторону. Под стенами Твери к союзникам присоединилось также новгородское войско. Осада города продолжалась почти месяц, за это время была занята вся Тверская земля. Надежды на помощь от Литвы или от Орды Мамай не оправдались. Михаил Александрович был вынужден согласиться на мир, продиктованный князем Дмитрием. Мирный договор был заключен «по благословению» митр. Алексия. Тверской князь признал себя «братом младшим» правителя Москвы, отказался от притязаний на Владимирское великое княжение, обязался вступить в союз с Дмитрием Иоанновичем и участвовать со своим войском в походах вместе с ним. Кроме того, тверской князь обязался разорвать союз с Литвой и в случае войны между Литвой и Москвой участвовать в ней на московской стороне. В договор также вошло условие, предусматривавшее, что правитель Твери должен был участвовать в военных действиях против ордынцев и решать все вопросы отношений с ними лишь «по думе» с вел. князем Московским. Все это означало полное поражение Михаила Александровича в борьбе за господство в Северо-Восточной Руси. Орда и Литва, на которых он рассчитывал, оказались неспособными повлиять на ход событий. Таким образом, в 1375 г. не только окончательно упрочилась политическая гегемония Москвы в Северо-Восточной Руси, но и русские земли, объединившись, впервые выступили как единое политическое целое под главенством Дмитрия Иоанновича.

Ответом на присоединение смоленских князей к князю Дмитрию стал поход литовцев на Смоленскую землю, а ответом на присоединение к московскому правителю черниговских князей стал

набег войск Мамаю на черниговские княжества, расположенные на верхней Оке. Так стало намечаться сближение Орды Мамаю и Литвы, недовольных усилением Москвы и объединением под ее политическим руководством русских земель. В 1376 г. кн. Владимир Андреевич вел войну с Великим княжеством Литовским, а великий князь Дмитрий Иоаннович вновь стоял с войсками на Оке, охраняя себя и своих союзников от набегов ордынцев.

Военные действия между Москвой и Ордой развернулись первоначально у границ Нижегородского княжества. В них на рус. стороне участвовали совместно московские и нижегородско-суздальские войска. Инициатива принадлежала рус. стороне. Весной 1377 г. объединенные рус. войска под командованием кн. Д. М. Боброк-Волынского, шурина Дмитрия Иоанновича, предприняли поход на г. Болгар, подчинявшийся в то время Мамаю. Местные князья были разбиты, выплатили 5 тыс. р. и приняли представителей рус. власти – «даругу» (сборщика дани) и таможенника. Впервые часть владений Орды оказалась, хотя и на короткое время, в зависимости от рус. князей (нижегородского и московского).

Летом 1377 г. московско-нижегородская рать потерпела сокрушительное поражение на р. Пьяне от войск «Мамаевой Орды», тайно проведенных мордовскими князьями; затем ордынцы напали на Нижний Новгород и разорили его. Эти успехи, по-видимому, побудили Мамаю обратить внимание на владения Московского вел. князя. Посланное им войско во главе с Бегичем Дмитрий Иоаннович встретил в Рязанской земле, в среднем течении р. Вожи. 11 августа 1378 г. ордынское войско было разгромлено. Погибли 5 ордынских князей, в руки победителей попал ордынский лагерь со всем имуществом. Случалось и ранее, что рус. князья во второй половине XIV в. наносили поражение отрядам отдельных мурз, нападавших на их земли во время смут в Орде, но поражение войску, высланному правителем Орды, было нанесено впервые.

Тем временем осложнились отношения с Литвой. В 1377 г., после смерти Ольгерда, литов. великокняжеский стол занял один из его

младших сыновей от второго брака Ягайло, что вызвало враждебную реакцию его старших братьев, родившихся от первого брака Ольгерда. Осенью 1377 г. один из них, полоцкий кн. Андрей Ольгердович, ушел с дружиной к князю Дмитрию Иоанновичу и зимой 1377/78 г. стал наместником Московского вел. князя в Пскове. В декабре 1379 г. рус. войско во главе с князьями Владимиром Андреевичем, Андреем Ольгердовичем и Д. М. Боброк-Волынским предприняло поход на земли Великого княжества Литовского и заняло города Трубчевск и Стародуб. На службу к Дмитрию Иоанновичу вместе с семьей, боярами и дружиной перешел младший брат кн. Андрея – Дмитрий Ольгердович. Очевидно, к этому времени в Москве уже располагали сведениями о заключении союза между Мамаем и Ягайло и поход был реакцией Москвы на это событие.

Виктор Моторин. Удар Засадного полка (Куликовская битва)

Куликовская битва

К лету 1380 г. рус. княжества во главе с Москвой оказались в сложном положении – против них выступил Мамай. Фактический правитель Орды тщательно готовился к походу, его войско было усилено наемными отрядами с Северного Кавказа (осетины, черкесы) и из итал. колоний в Крыму и в Азаке (совр. Азов). Авторитет Мамаю в степи усиливал заключенный союз с Литвой. В мае 1380 г. в Давыдишках Литовский вел. кн. Ягайло с братьями заключил мирное соглашение со своим воинственным зап. соседом

– Тевтонским орденом – и получил возможность двинуть войска на восток. К союзникам присоединился рязанский кн. Олег (Иаков) Иванович, желавший таким образом обезопасить свои владения от ордынцев. Согласно договоренности, войска союзников должны были встретиться 1 сентября 1380 г. на Оке. В ожидании прихода литов. войска Орда Мамай вместе с ханом Тюляком находилась на полях «за Доном».

По свидетельству Пространной «Летописной повести», Мамай мог отказаться от похода, если бы ему дали такой «выход», какой платила Северо-Восточная Русь при хане Джанибеке, в период расцвета могущества Золотой Орды. Однако рус. князья во главе с князем Дмитрием отказались. Правитель Москвы принял решение опередить противников и встретиться с Мамаем до его соединения с литов. войском. По свидетельству Пространной «Летописной повести», в походе приняли участие «все князья русские». Когда, перейдя Оку, войско подошло к Дону, некоторые воеводы предлагали остановиться, но Дмитрий Иоаннович по совету Ольгердовичей принял решение перейти Дон и атаковать войска Мамай. 8 сентября 1380 г. рус. войско сразилось с ордынцами на Куликовом поле, «на усть Непрядвы». Битва продолжалась весь день с большим ожесточением, оба войска несли огромные потери. Исход сражения решил удар «засадного полка» во главе с Владимиром Андреевичем. Обратившиеся в бегство ордынцы тонули в р. Мече. По свидетельству «Летописной повести», князь Дмитрий Иоаннович вопреки уговорам князей и воевод с начала битвы «бився с татарами в лице, став напреди». Все доспехи его были повреждены, но ни одной раны враги нанести ему не смогли.

Мамай бежал с поля сражения «в мале дружине». Ягайло, узнав об исходе сражения, из-под Одоева поспешно ушел назад с войском. Вслед за ним вместе с дружиной бежал рязанский кн. Олег, покинув княжество. Д. И. посадил в его столице – г. Переяславле Рязанском – своих наместников. В 1381 г. Олег смог вернуться на свой стол, но по договору, заключенному с Дмитрием Иоанновичем, он также признал себя «братом младшим»

по отношению к правителю Москвы, обязался разорвать союз с Литвой и следовать по отношению к ней в русле московской политики. Так же Олег должен был вести себя и в отношениях с Ордой: если князь Дмитрий заключит мир с Ордой и согласится выплачивать ей дань, то так же должен был бы поступить и рязанский князь; если же дело дошло бы до войны, то рязанский князь обязывался быть «с одного на татар и битися с ними».

1380-1381 годы были временем наибольших успехов князя Дмитрия. Князья Северо-Восточной Руси подчинялись его политическому руководству. Наиболее могущественные из рус. соседей – правители Твери и Рязани – признали себя «братьями младшими» князя Дмитрия Иоанновича и обязались следовать его политике в отношении Литвы и Орды. Литовское наступление на Северо-Восточную Русь было остановлено, в смоленских и черниговских княжествах в верховьях Оки вновь утвердилось московское влияние. Объединившиеся вокруг Москвы рус. княжества отказались платить «выход» могущественному ордынскому правителю Мамаю и соединенными силами нанесли ему поражение. Эта победа имела огромное моральное значение, т. к. показывала, что, соединив силы, русские земли могут избавиться от иноземного господства.

Разграбление Москвы ханом Тохтамышем

С этого времени перед великим князем Дмитрием на пути осуществления его политических планов стали возникать все более серьезные трудности. Еще весной 1380 г. правитель Кок-Орды хан Тохтамыш захватил ордынскую столицу Сарай. После поражения Мамаю на Куликовом поле подчинившиеся ему князья и мурзы перешли на сторону Тохтамыша, который впервые с нач. 1360-х годов объединил под своей властью всю территорию Золотой Орды. Тохтамыш известил об этом русских князей, и весной 1381 г. они отправили к нему послов «с честью и с дары». Одни исследователи полагают, что тем самым русские князья признали власть хана над своими землями, другие это отрицают. Ясно, однако, что результаты переговоров Тохтамыша

не удовлетворили, т.к. летом 1382 г. он предпринял масштабный поход на Москву.

Тохтамыш учел уроки Куликовской битвы и принял все меры для того, чтобы его нападение было неожиданным. Это ему удалось. Князь Дмитрий покинул столицу и уехал в Кострому собирать войска, вскоре из города уехал и митр. Киприан. 23 августа 1382 г. ордынское войско подошло к Москве, 3 дня продолжался безуспешный штурм города. Лишь с помощью обмана (Тохтамыш заявил руководителю обороны кн. Александру Федоровичу Остею и московскому духовенству, что его враг – князь Дмитрий, а от жителей Москвы он хочет только получить дары) хан сумел занять и разграбить столицу Московского княжества. После захвата города Тохтамыш стал рассылать по Московской земле свои отряды. Когда до него дошли известия, что один из отрядов был уничтожен войсками кн. Владимира Храброго под Волоком Ламским, а в Костроме с войсками стоит князь Дмитрий Иоаннович, то хан поспешил увести свои войска в Орду, разграбив по пути Рязанскую землю. После этого набега среди князей, ранее признававших политическое верховенство Москвы, начались колебания. Олег Рязанский указал ордынскому войску тайные броды на Оке. Сыновья нижегородского кн. Дмитрия Константиновича – князья Василий и Семен – встречали ордынское войско на границе владений отца, затем вместе с ним под стенами Московского Кремля, целуя крест, убеждали москвичей поверить Тохтамышу. Нижегородские князья, так же как и москвичи, были обмануты, но в отличие от горожан остались живы. В начале сентября 1382 г. тверской кн. Михаил Александрович тайно уехал в Орду, пытаясь вновь получить ярлык на Владимирское великое княжение.

Осенью 1382 г. к князю Дмитрию Иоанновичу прибыл ханский посол, который, очевидно, вызвал вел. князя в Орду и сообщил о размерах дани. Весной следующего года вел. князь отправил к Тохтамышу своего 11-летнего сына Василия I Дмитриевича вместе с опытными боярами (в их числе был племянник митр. Алексия Даниил Феофанович), которые отвезли в Орду дань – «8000

серебра». Хан не решился поддержать претензии правителя Твери, и «великое княжение» осталось за Димитрием Иоанновичем. Однако это стоило вел. князю больших затрат. Как отметил летописец, весной 1384 г. *«бысть великая дань тяжелая по всему княженью великому, всякому без отдатка»* [3]. Тохтамыш стремился держать в Орде в качестве заложников сыновей наиболее значительных рус. князей. Задержанному в Орде Василию лишь осенью 1385 г. удалось бежать в Молдавию, откуда через земли Польши и Литвы он добрался до Москвы.

Союз Литвы и Польши

В первой половине 1380-х годов особое место в политике князя Димитрия заняли отношения с Литвой, где продолжались раздоры, начавшиеся после смерти Ольгерда. В 1383 г. при посредничестве вдовствующей княгини Иулиании Александровны было заключено соглашение между ее детьми Ягайло, Скиргайло (Иваном) и Корибутом (Дмитрием) и Димитрием Иоанновичем. Судя по сохранившемуся его краткому изложению, Литовский вел. кн. Ягайло обязался жениться на дочери князя Димитрия и принять Православие. Очевидно, хотя об этом прямо и не сказано, такое соглашение означало и военно-политический союз между двумя странами и помощь великого князя Димитрия великому князю Литовскому в борьбе с его врагами. Осуществление такого соглашения означало бы вовлечение Литвы в сферу московского влияния, принятие литовцами Православия способствовало бы усилению влияния «русского» населения Литовского великого княжества на литовское. По-видимому, именно это не устраивало литовское боярство, боявшееся в этом случае утратить господствующее положение в стране. Предпочтение было отдано другому решению – соглашению с соседней Польшей. По этому соглашению Ягайло, женившись на польской королевно Ядвиге, становился одновременно польским королем, он и его подданные-язычники принимали католичество.

Объединение сил двух крупных государств не только укрепило власть литовского боярства над «русскими» землями Великого

княжества Литовского, но и создало условия для возобновления литовского наступления на восток. 29 апреля 1386 г. в битве с литов. войском на р. Вехре (совр. Вихра) под г. Мстиславлем погиб союзник Дмитрия Иоанновича смоленский кн. Святослав Иоаннович. В Смоленске «из литовской руки» был посажен его сын св. Георгий (Юрий) Святославич, его старший брат св. кн. Глеб Святославич был уведен как заложник в Литву. Завоеванные Дмитрием Иоанновичем позиции на черниговских землях также оказались под угрозой.

Итоги внутренней политики

В этих неблагоприятных внешних условиях вел. кн. Дмитрий сумел сохранить положение самого сильного среди князей Северо-Восточной Руси, руководству которого подчинялись другие правители региона. В 1386 г. московский князь вступил в конфликт с Великим Новгородом, установившим к этому времени тесные связи с Литвой. Новгородцы не выплачивали «княжчин» – доходов, полагавшихся Дмитрию Иоанновичу как новгородскому князю, а новгородские ушкуйники ранее разорили поволжские города Кострому, Нижний Новгород и др. В предпринятом против Великого Новгорода походе участвовали войска рус. князей – союзников вел. князя: правителей Нижнего Новгорода, Городца-Радилова на Волге, Ростова, Ярославля, Стародуба. Объединенное войско подошло к Вел. Новгороду, и новгородцы вынуждены были удовлетворить требования вел. князя, выплатив ему за «княжчины» и ущерб, нанесенный его землям, - 8 тыс. р. Это были первые шаги для подчинения Вел. Новгорода сильной великокняжеской власти.

Одним из важнейших итогов правления великого князя Дмитрия стало превращение земель Владимирского великого княжения в наследственное владение московских князей, что окончательно сделало их самыми сильными среди правителей Северо-Восточной Руси. В завещании, составленном незадолго до смерти, Дмитрий Иоаннович передал старшему сыну Василию «великое княжение» как свою вотчину.

Отношения между духовной и светской властями

В правление Дмитрия Иоанновича церковно-государственные отношения длительное время определялись тесным сотрудничеством между молодым великим князем и его воспитателем митр. Алексием. Впоследствии в Константинополе святителя укоряли в том, что он, став опекуном вел. князя, *«весь предался этому делу и презрел Божественные законы и постановления, приняв на себя вместо пасенья и поучения христиан мирское начальствование»* [4]. Конечно, митр. Алексий происходил из рода, тесно связанного с московской княжеской семьей, он заботился о своем воспитаннике, но его поддержка молодого вел. князя объяснялась не только мирскими интересами. К нач. 1360-х годов положение Православия на территории Киевской митрополии было неблагоприятным. Огромные территории оказались под властью литовских князей-язычников. В их владениях Православие было не господствующей, а только терпимой религией. На территории Юго-Западной Руси под властью польского короля господствующей религией стал католицизм, здесь уже в 1350-х годах создавались первые католические епископства. Митр. Алексий в молодом князе видел будущего сильного православного правителя, который объединит русские земли под своей властью и утвердит в них православную веру.

В первые годы правления князя Дмитрия митр. Алексий не только направлял политику московского правительства, но и использовал средства, которые были у него как у главы Русской Церкви. Так, осенью 1363 г. послы митрополита пригласили городецкого кн. Бориса Константиновича в Москву, но тот отказался приехать, тогда они *«церкви затвориша»* в Нижнем Новгороде. Когда в спорах между тверскими князьями Тверской еп. Василий занял позицию, благоприятную для другого врага Москвы – владевшего Микулином кн. Михаила Александровича, по жалобе его тверских противников в 1367 г. приставы митрополита вызвали епископа в Москву, где *«про тот суд владыце Василию бышет истома и протор велик»*.

Во второй половине 1360-х годов при участии свт. Алексия сформировалась коалиция русских князей во главе с Дмитрием Иоанновичем, которая должна была нанести поражение литовцам-язычникам и привести к объединению русских княжеств вокруг православной Москвы. Когда ряд князей нарушили свои обязательства и в начавшейся войне встали на сторону Литвы, митрополит отлучил их от Церкви как вступивших в союз с язычниками против христиан. В июне 1370 г. Константинопольский патриарх Филофей Коккин подтвердил своим авторитетом эти санкции и призвал особыми грамотами князей, подвергшихся каре, подчиниться авторитету митрополита и заслужить прощение участием в войне с язычниками. О принятии данных мер просили совместно посол вел. князя Даниил и посол митрополита Аввакум. Эти факты говорят о тесном взаимодействии Дмитрия Иоанновича и свт. Алексия. Патриарх Филофей писал вел. князю, что с радостью узнал от митрополита, *«как ты уважаешь и любишь его и оказываешь ему всякое послушание и благопокорение»* [5]. Очевидно, что еще и в 1370 г. вел. князь оставался благодарным воспитанником святителя. Именно в правление Дмитрия Иоанновича утвердилась практика, по которой соглашения вел. князя с удельными князьями и с др. правителями стали заключаться по благословению митрополита. Свт. Алексию Дмитрий Иоаннович «явил» и свою духовную, которую митрополит скрепил своей печатью.

Действия, предпринятые митр. Алексием, натолкнулись на резкое сопротивление со стороны Литовского вел. кн. Ольгерда и его союзников, обратившихся к патриарху Филофею с жалобами на митрополита, который благословляет москвичей на войну с Литвой, освобождает вассалов Литовского вел. князя от присяги на верность сюзерену, не заботится о пастве, живущей во владениях Ольгерда (Ольгерд закрыл для митрополита въезд в свои владения). В августе 1371 г. патриарх назначил суд для разбора жалоб, предложив митр. Алексию до судебного решения снять с тверского кн. Михаила Александровича и Тверского епископа Василия отлучение. Одновременно патриарх призвал митрополита искать соглашения с противниками, а тех в свою

очередь пойти навстречу своему пастырю и с почетом принять его. Весной 1374 г. у митр. Алексия с посреднической миссией побывал посол патриарха Филофея Киприан (впосл. митрополит Киевский и всея Руси). Как позднее указывалось в патриарших документах, митр. Алексий отказался посетить владения Литовского вел. кн. Ольгерда, куда, по его убеждению, он был приглашаем «с коварной целью». К этому времени благодаря военно-политическим успехам Дмитрия Иоанновича сфера, на которую распространялась реальная власть митр. Алексия, заметно расширилась. Он получил возможность поставить епископов в Смоленск и Брянск.

Ольгерд потребовал поставить для его владений особого архиерея, угрожая, что в противном случае он и его подданные примут католичество. 2 декабря 1375 г. патриарший посол Киприан, нашедший к тому времени взаимопонимание с литов. политиками, был поставлен на Киевскую и Литовскую митрополию. У патриарха Филофея были важные основания для принятия такого решения. Длительный конфликт между митр. Алексием и вел. кн. Ольгердом привел к тому, что первому был закрыт доступ на те земли Киевской митрополии, которые находились под властью Литвы. Здесь без опеки со стороны верховного пастыря началось расстройство церковного управления, на некоторых кафедрах не было епископов, а церковные земли захватывали миряне. Решение патриарха Филофея должно было содействовать сохранению позиций Православия на будущих украинских и белорусских землях. Разделение митрополии на две части было временным. После смерти митр. Алексия вся территория Киевской митрополии должна была объединиться под властью свт. Киприана. В Москву были направлены послы патриарха Георгий и Иоанн, чтобы известить митр. Алексия и Дмитрия Иоанновича о принятом решении. Послы также должны были произвести и «дознание о жизни Алексея», рассмотреть выдвинутые против него обвинения.

Реакция вел. князя и его советников на это вызванное важными причинами решение патриарха и Синода оказалась очень острой. В Москве его восприняли как продиктованное интересами Литвы и

выразили несогласие с действиями императора, его одобrivшего. Все обвинения против свт. Алексия были отвергнуты, здесь его *«все считали... отцом и называли спасителем народа»*. Митрополит не допустил открытого столкновения с патриаршими послами, но перед лицом сближения Литвы и Орды, с которой уже шла открытая война, Дмитрий Иоаннович не мог допустить на митрополичий стол в Москве человека, тесно связанного с Литвой. Положение еще более осложнилось из-за действий Киприана, который зимой 1376/77 г., одновременно с поездкой патриарших послов в Москву, попытался подчинить своей власти Вел. Новгород.

12 февраля 1378 г. митр. Алексей умер. Перед смертью он поручил Дмитрию Иоанновичу заботу об основанном им Чудовом монастыре. На его похоронах присутствовали Дмитрий Иоаннович с сыновьями Василием и Георгием (Юрием), а также кн. Владимир Андреевич. По приказу вел. князя, но вопреки воле покойного, по смирению желавшего быть похороненным вне церкви, митр. Алексей был погребен в соборе Чудова монастыря *«с великою честью... близ алтаря»*. В июне 1378 г. митр. Киприан направился в Москву, чтобы занять митрополичий стол в соответствии с патриаршим решением. По приказу вел. князя он со свитой был задержан и ограблен, сутки пробыл под арестом, а затем с позором выслан в Литву. Всех, кто были причастны к этому, митр. Киприан предал проклятию и направился с жалобами на действия Дмитрия Иоанновича в Константинополь, куда прибыл весной 1379 г.

У Дмитрия Иоанновича был свой кандидат на митрополичий стол – коломенский свящ. Митяй (Михаил), духовный отец и начальник великокняжеской канцелярии (печатник). В 1376 г. он был пострижен в монахи Чудова монастыря архим. Елисеем Чечёткой и сразу стал архимандритом великокняжеского московского Преображенского монастыря (Спаса на Бору) в Кремле. Вел. князь добивался, чтобы митр. Алексей, подобно тому как поступил по отношению к нему митр. Феогност, *«благословил»* Митяя быть его преемником на кафедре, но митрополит отказался это сделать. После смерти свт. Алексия вел. князь передал архим. Михаилу

управление делами митрополии, и тот поселился на митрополичьем дворе. Осенью 1376 г. был низложен Константинопольский патриарх Филофей. К новому патриарху Макарию князь Дмитрий направил послов с жалобами на решения его предшественника, и им удалось добиться успеха. Патриарх Макарий одобрил решение вел. князя не признавать митр. Киприана, дал архим. Михаилу полномочия управлять митрополией и обещал возвести его на митрополичью кафедру. Однако в 1379 г. утратил свой престол и патриарх Макарий. Не зная об этом, князь Дмитрий собрал в Москве епископов Северо-Восточной Руси для совершения епископской хиротонии Митяя (Михаила), готовившегося к поездке в Константинополь. Против выступил один из наиболее авторитетных иерархов – Суздальский еп. Дионисий, и этот план был оставлен.

В июле 1379 г. Митяй (Михаил) направился в Константинополь. Его сопровождала большая свита из духовных лиц и митрополичьих слуг и великокняжеское посольство во главе с боярином Ю. В. Кочевиним-Олешинским. Князь Дмитрий приложил максимум усилий, чтобы обеспечить успех своему кандидату, которому были даны листы пергамена, скрепленные великокняжескими печатями, предназначавшиеся в случае необходимости для составления долговых обязательств от имени князя Дмитрия. Вместе с вел. князем и его боярами Митяя (Михаила) провожали епископы и архимандриты. Осенью 1379 г. Митяй (Михаил) скончался на корабле на подъезде к Константинополю. Оказавшись в критической ситуации, члены посольства приняли решение предложить в качестве кандидата на митрополичий стол Пимена, архим. Горицкого монастыря. Соответствующие просьбы от имени вел. князя были написаны на листе пергамена с великокняжеской печатью. Первоначально император Иоанн V Палеолог и новый патриарх Нил Керамевс предложили принять Киприана, но после напряженных усилий к июню 1380 г. послам удалось добиться нужного для них решения. Соборное определение июня 1380 г. признало поставление митр. Киприана незаконным, но за ним была сохранена Малая Русь и Литва, Пимен был хиротонисан в митрополита Великой Руси и Киева. После смерти Киприана Пимен

должен был объединить все земли Киевской митрополии под своей властью. Не дожидаясь неблагоприятного для себя решения, Киприан был вынужден бежать из Константинополя.

Москва оставалась без митрополита, и русское войско перед Куликовской битвой благословил Коломенский еп. Герасим. Принятые в Константинополе без санкции князя Дмитрия решения вызвали его резко отрицательную реакцию, он категорически отказался признать Пимена и его финансовые долги. В этих условиях оставался один выход – обратиться к митр. Киприану. Принятию такого решения способствовали и перемены во внешнеполитическом положении Московского княжества: с разгромом Мамаю отпала опасность литовско-татарского союза. Напротив, православный митрополит мог стать проводником влияния Москвы, престиж которой резко возрос после одержанных побед. В феврале 1381 г. князь Дмитрий отправил своего духовного отца прп. Феодора, игум. московского Симонова Нового Успенского мужского монастыря, к Киприану в Киев. 23 мая 1381 г. свт. Киприан был торжественно принят в Москве как законный общерусский митрополит. Когда осенью 1381 г. Пимен вернулся из Константинополя, по приказу вел. князя он был арестован под Коломной и сослан в Чухлому.

Во время нашествия Тохтамыша в августе 1382 г. вместе с прп. Сергием Радонежским митр. Киприан укрылся в Твери, где пробыл до конца сентября, пока князь Дмитрий не вызвал его в Москву. Прибыв в Москву в октябре, Киприан в том же месяце уехал в Киев, а вел. князь вызвал из ссылки Пимена и посадил его на митрополичий стол. О причинах нового конфликта между князем Дмитрием и митр. Киприаном источники не сообщают. Наиболее правдоподобным представляется предположение, что недовольство вел. князя было связано с тем, что именно во время пребывания Киприана в Твери ее правитель кн. Михаил Александрович Тверской уехал в Орду хлопотать о ярлыке на Владимирское великое княжение.

Сложившимся положением дел великий князь был не удовлетворен, о чем свидетельствует поездка летом 1383 г. в Константинополь

для поставления на митрополичью кафедру Суздальского архиеп. Дионисия, которого сопровождал духовник вел. князя архим. Феодор. Эту поездку следует связывать с заключением в это время соглашения между князем Дмитрием и Ягайло, когда, вероятно, была достигнута договоренность об отстранении и Пимена, и Киприана и возведении на стол третьего, не замешанного в предшествовавших смутах кандидата. Дионисий недавно вернулся из Константинополя, получив сан архиепископа, и можно было рассчитывать, что его кандидатура будет хорошо принята в Константинополе. Патриарх Нил действительно поставил архиеп. Дионисия «митрополитом на Русь», но когда в 1384 г. он прибыл в Киев, соглашение между Москвой и Литвой было уже разорвано. По приказу киевского кн. Владимира (Василия) Ольгердовича свт. Дионисий был арестован и спустя 1,5 года умер в тюрьме.

Пока происходили эти события, митр. Пимен продолжал управлять той частью Киевской митрополии, которая не подчинялась Киприану. Так, в кон. 1383 г. в Москве он поставил Михаила во епископа Смоленского – свидетельство, что Пимена признавали законным митрополитом не только на территории Владимирского великого княжения, но и в др. землях, политически тяготевших к Москве. Тогда же была создана новая кафедра – Пермская, на которую был хиротонисан свт. Стефан.

Чтобы добиться поставления Дионисия, великокняжеские послы должны были выдвинуть обвинения не только против Киприана, но и против Пимена. Для расследования этих обвинений в Москву зимой 1384/85 г. прибыли два греческих митрополита, которые нашли эти обвинения правильными. 9 мая 1385 г. Пимен был вынужден отправиться в Константинополь. Какое участие принимал вел. князь в событиях, происходивших в Москве, неясно. В 1386 г. вел. князь снова послал прп. Феодора в Константинополь по делу «о управлении митрополии». По свидетельству патриаршего документа 1389 г., Феодор выступил в качестве обвинителя по отношению к митр. Пимену. Какие цели преследовал Дмитрий Иоаннович, предпринимая такой шаг, остается неясным, т.к. вел.

князь ничего не сделал для примирения с Киприаном и не предложил иного кандидата на митрополию. Разбирательство не привело ни к какому результату: Константинополь покинул вызванный по делам в Литву Киприан, 6 июля 1388 г. «без исправы» вернулся в Москву Пимен. Здесь его продолжали признавать митрополитом. 15 августа он поставил епископа в Рязань в присутствии Дмитрия Иоанновича. Однако отношения между вел. князем и митрополитом оставались напряженными («бе бо и распря некаа промежь их»). 13 апреля 1389 г. митр. Пимен снова отправился в Константинополь, на этот раз не поставив в известность вел. князя, что вызвало гнев последнего. Через месяц после отъезда митрополита великий князь Дмитрий умер, вскоре скончался Пимен, церковный кризис разрешился уже при вел. кн. Василии I.

В сложных и трудных условиях своего времени, не всегда способный принять верное решение и вынужденный нарушать церковные правила, князь Дмитрий тем не менее пытался следовать заветам митр. Алексия. Духовенство Северо-Восточной Руси было убеждено, что своими действиями вел. князь старается служить интересам православной Церкви, поэтому все смены на митрополичьем столе не сталкивались с открытым сопротивлением даже со стороны тех лиц, которые не были согласны с решениями правителя.

Благословение
преподобным Сергием
Радонежским князя
Дмитрия Донского на
битву с Мамаем.
Мраморный барельеф с

Храма Христа Спасителя,
хранится в Донском
монастыре

Тесные долголетние отношения связывали Дмитрия Иоанновича и прп. Сергия Радонежского. Первое свидетельство о таких отношениях датируется 26 ноября 1374 г., когда игум. Сергей крестил Юрия – сына вел. князя, что, конечно, говорит о том, что вел. князь давно почитал знаменитого настоятеля. Происходило это в Переяславле Залесском, в который *«отовсюду съехашася князи и бояре»*. Ряд исследователей предполагают, что именно на этом съезде было принято решение о войне с Ордой, не исключено, что духовный авторитет прп. Сергия сыграл в этом вопросе свою роль. Еще при жизни митр. Алексия племянник прп. Сергия прп. Феодор основал под Москвой Симонов монастырь. Обитель находилась под великокняжеским патронатом и получила от Дмитрия Иоанновича ряд дарений (воды на Волге, соляные варницы у Соли Галицкой и там же с. Борисовское). Вероятно, великий князь был причастен и к основанию монастыря. В 1378 г., перед битвой на р. Воже, вел. князь посетил Троице-Сергиев монастырь и прп. Сергей Радонежский благословил его на борьбу с ордынцами.

После кончины митр. Алексия преподобные Сергей и Феодор признали законным митр. Киприана и поддерживали с ним переписку (к ним свт. Киприан обращался с жалобами на действия вел. князя), что не могло не осложнить их отношений с вел. князем. Однако, сочувствуя Киприану, они не выступили против вел. князя, и Дмитрий Иоаннович продолжал с большим уважением относиться к прп. Сергию. Когда свт. Дионисий Суздальский, вызвавший недовольство вел. князя, был задержан и заключен в тюрьму, он был освобожден по ходатайству преподобного. В том же 1379 г., когда Митяй (Михаил) отправился в Константинополь, прп. Сергей основал «повелением князя великого» по обету, данному Дмитрием Иоанновичем перед битвой на Воже, Стромьинский Успенский монастырь на р. Дубенке. Перед битвой на Куликовом поле, когда войско стояло на Дону, по летописным

свидетельствам, «*приспела грамота от преподобного игумена Сергия и от святого старца благословение... веля ему [вел. князю] битися с татары*».

Отношения вел. князя и прп. Сергия окончательно нормализовались, когда Феодор, настоятель Симонова монастыря, стал духовным отцом Дмитрия Иоанновича, и вел. князь решил пригласить в Москву свт. Киприана. Весной 1381 г. митр. Киприан и прп. Сергей крестили Ивана – сына кн. Владимира Андреевича. 14 августа 1382 г. архим. Феодор крестил Андрея – сына великого князя. Как реагировал прп. Сергей на новый разрыв вел. князя со свт. Киприаном, остается неясным. 29 июня 1385 г. преподобный крестил сына Дмитрия Иоанновича Петра. Поздней осенью того же года по просьбе вел. князя прп. Сергей совершил поездку к рязанскому кн. Олегу Иоанновичу и добился заключения мира с этим опасным противником князя Дмитрия. В апреле-мае 1389 г. прп. Сергей был свидетелем при составлении завещания Дмитрия Иоанновича и присутствовал на его похоронах.

Сложным является вопрос о пожалованиях Дмитрия Иоанновича Троице-Сергиеву монастырю. Подложность великокняжеской грамоты, предоставлявшей широкие привилегии владениям обители, была показана библиотекарем Троице-Сергиевой лавры Арсением во второй половине XIX в. Однако исследователи обратили внимание на упоминание грамот Дмитрия Иоанновича в документах первой половины XV в.: в грамотах вел. кн. Василия II Васильевича на с. Медно в Новоторжском у. и кн. Дмитрия Георгиевича Шемяки на с. Присеки в Бежецком Верхе. Эти села стали владениями монастыря уже после смерти великого князя Дмитрия (с. Присеки было дано вкладом в монастырь лишь в 1440 году). Исследователи поэтому предполагают, что Дмитрий Иоаннович пожаловал монастырю «десятое» от ежегодного урожая зерновых в этих селах.

Столь же сложная картина вырисовывается и при анализе документов из архива Чудова монастыря. Ссылки на грамоты Дмитрия Иоанновича встречаются в двух документах XV в. - в

грамоте вел. кн. Георгия Дмитриевича на села Лужковское, Павловское и Монаковское в Сурожике Московского у. и в грамоте вел. кнг. Софии Витовтовны на с. Филипповское в Маринине слободе Переяславского у. Если с. Филипповское поступило в монастырь еще при жизни великого князя, то села в Сурожике дал вкладом в монастырь чернец Авраам, сын Микулы Давыдовича, в нач. 1430-х годов. Возможно, в данном случае также шла речь о пожаловании монастырю «десятого» с этого владения. Возможно, Дмитрий Иоаннович пожаловал жителям Филипповского монопольное право ловли рыбы на р. Шерне, которым они пользовались «из старины» еще во второй половине XV в.

Великий князь Дмитрий оказывал поддержку и таким подвижникам, основавшим монастыри на Русском Севере, как преподобные Стефан Махрицкий и Дмитрий Прилуцкий. Первый был хорошо известен вел. князю еще тогда, когда он создал недалеко от Троице-Сергиевой обители Стефанов Махрицкий Троицкий муж. монастырь. Узнав, что прп. Стефан отправился на Север и основал вместе со своим учеником прп. Григорием Авнежский Троицкий монастырь, Дмитрий Иоаннович прислал монастырю *«милостыню доволну и книги своя»*. По желанию князя прп. Стефан позднее вернулся в Махрицкий монастырь, которому вел. князь дал *«нивы же, и угодия, и езера на пропитание мнихом»*.

Прп. Дмитрий Прилуцкий был известен князю Дмитрию еще тогда, когда святой учредил общежительный монастырь в Переяславле Залесском. По свидетельству Жития прп. Дмитрия, во время строительства близ Вологды Дмитриева Прилуцкого монастыря Дмитрий Иоаннович прислал *«доволную потребу на строение»*. Прп. Дмитрий был крестным отцом одного из сыновей вел. князя. По просьбе старцев Спасо-Каменного Преображенского муж. монастыря на Кубенском озере Дмитрий Иоаннович дал им в качестве игумена пришедшего в Москву с Афона прп. Дионисия Грека.

По инициативе великого князя в начале 1380-х годов был построен каменный Успенский собор в Коломне.

Кончина и почитание

Св. вел. кн.
Димитрий Иоанович.
Фреска на южной
стене
Архангельского
собора Московского
кремля. XVII-XIX
вв.

Великий князь Димитрий скончался 19 мая 1389 года в Москве и был погребен в Архангельском соборе Московского Кремля. В 1505 г. в связи с разборкой здания княжеские гробы из него были вынесены, 3 октября 1507 г. их установили в новоотстроенном храме. Известна печать Димитрия Иоанновича, не имеющая аналогов среди княжеских печатей, снабженная изображением головы царя (Давида?) и изречением «Вся сиа минет» [6]. В ее оформлении, по-видимому содержащем аллюзию на события 1380 и 1382 гг., можно видеть влияние кого-то из «книжных» советников князя.

Оценка великого князя Дмитрия и как личности, и как исторического деятеля его младшими современниками дана в соч. «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя рускаго», ранний вид которого дошел до нас в составе Софийской I и Новгородской IV летописей.

Ряд исследователей на основании анализа стилистики произведения делают вывод, что автором этого произведения был прп. Епифаний Премудрый. О Дмитрие Иоанновиче автор говорит, что он, *«аще и книгам не учен сы добре»*, вел нравственную, благочестивую жизнь. Пребывая на троне, он мечтал об уединении в «пещере», *«в чернеческия ризы по вся дни облещися желаше»*. Дмитрий Иоаннович был справедлив к подданным и утвердил в стране мир и порядок. В уста умирающего великого князя автор вложил обращенные к боярам слова, что он никому зла не сотворил, ничего ни у кого не отнял силой, никого не оскорбил, но всех любил и держал в чести, вместе с ними и радовался, и скорбел. Благодаря победам великого князя Дмитрия была обеспечена защита Русской земли и сохранена в ней православная вера. Князь, как говорится в «Слове...», *«по Бозе с иноплеменники боряшеса с нечестивы агаряны и с поганю Литвою за святаы церкви и крестьянскую утверждая веру»*. Русская земля так же хвалит своего «царя» Дмитрия, как Греческая земля – равноап. царя Константина I Великого. Автор выразил убеждение, что душу князя Дмитрия *«ангели вознесоша на небеса»*.

Рассказывая о «житии и преставлении» князя, автор «Слова...» особое внимание уделил главному, с его т. зр., событию в жизни вел. князя – войне с Мамаем. Последний хотел «избить» рус. князей, овладеть их землей, разорить церкви и заставить рус. людей принять ислам. Дмитрий Иоаннович призвал князей и «вельмож» защитить Русскую землю и правосл. веру и во главе собравшегося войска нанес поражение «поганым» на Куликовом поле, причем в битве рус. воинам помогали ангелы и св. «сродники» вел. князя – св. князья Борис и Глеб; Дмитрий Иоаннович сравнивается с равноап. кн. Владимиром Святославичем. В конце «Слова...» автор обращается к князю

Димитрию с просьбой о молитве «о роде своем и за вся люди».

В составленном в окружении митр. Киприана летописном своде нач. XV в., получившем отражение в Троицкой летописи и Рогожском летописце, есть достаточно краткий рассказ о войне с Мамаем и Куликовской битве. При создании в первой пол. XV в. летописного свода – общего источника Новгородской IV и Софийской I летописей – этот рассказ был заменен обширной повестью, изучение которой показало, что она была основана на достоверной, близкой к событиям традиции. Именно в этой повести раскрывалась глубина опасности, угрожавшей Русской земле в случае соединения сил ее противников. С болью и гневом неизвестный автор повести обличал «лукавого» рязанского кн. Олега, вступившего в союз с «погаными», и противопоставил ему главного героя повести – великого князя Дмитрия, призвавшего «всех князей русских» собраться, чтобы защитить свою землю и веру. Автор повести подчеркивает мужество вел. князя, который вопреки предостережениям принял решение перейти Дон и напасть на ордынские войска, сражался как простой воин, чтобы побудить всех следовать его примеру. В решающий момент битвы два русских воеводы видели, как ангельское воинство во главе с арх. Михаилом и святыми Георгием Победоносцем, Дмитрием Солунским, князьями Борисом и Глебом поражало «поганых» огненными стрелами.

Попытка осмыслить значение события в более широкой исторической перспективе была сделана в «Задонщине», поэтическом произведении о войне с Мамаем и Куликовской битве, возникшем, по-видимому, вскоре после битвы, но сохранившемся в различных обработках XV-XVI вв. Этому способствовало знакомство неизвестного автора со «Словом о полку Игореве». Куликовская битва, по убеждению автора «Задонщины», положила конец долгой эпохе иноземного господства, начавшейся с поражения русских князей на р. Калке в 1223 г. Для отпора завоевателям вокруг князя Дмитрия объединилась вся Русская земля, в этом произведении впервые говорилось об идущем на помощь к князю войске из Вел. Новгорода и о его погибших в

битве посадниках. Здесь же упоминались герои битвы «чернецы» Андрей Ослябя и Александр Пересвет, погибшие в сражении. Во времена хана Батыя Бог «казнил Рускую землю за согрешения». Но теперь это время закончилось, и Русская земля во главе с великим князем Дмитрием одержала победу над «погаными». В «Задонщине» не случайно подчеркивалось, что русские князья – потомки равноап. кн. Владимира, что Дмитрий Иоаннович выступил против Мамаю, «помянувши прадеда своего князя Владимира Киевскаго». Для автора Куликовская битва открывала новую эпоху в истории Руси – эпоху возрождения славы и могущества Древнерусского государства.

Самым крупным произведением, главным героем которого был Дмитрий Иоаннович, стало «Сказание о Мамаевом побоище», написанное в нач. XVI в., более чем через 100 лет после Куликовской битвы. Став излюбленным чтением рус. людей, произведение неоднократно перерабатывалось книжниками XVI-XVII вв. и сохранилось в ряде редакций. Неизвестный автор использовал «Летописную повесть», «Задонщину», а также рассказы о битве, которые бытовали в отдельных боярских и купеческих родах, где говорилось о подвигах их предков, совершенных на Куликовом поле. В этом отношении «Сказание...» как бы соединило рассказы о битве, имевшие хождение в рус. обществе. Отсюда появление в «Сказании...» мн. эпизодов, которых не знают более ранние источники. Основа некоторых из них, вероятно, достоверна; другие противоречат известным фактам, в частности, не подтверждается сообщение автора «Сказания...» о пребывании митр. Киприана в Москве во время Куликовской битвы. По мнению ряда исследователей, одним из источников «Сказания...» послужили предания, связанные с серпуховским княжеским двором, в которых подчеркивалась роль в событиях, связанных с Куликовской битвой, серпуховского кн. Владимира Андреевича Храброго и братьев его жены – князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей.

В оценке значения событий автор «Сказания...» следовал за «Задонщиной». По его словам, Мамай хотел не только пойти по

стопам хана Батя и снова разорить Русь, но и поселиться с воинами на Русской земле. От этой страшной опасности Русь, как и правосл. веру, спас возглавивший рус. войско Дмитрий Иоаннович. В этой борьбе рядом с ним в «Сказании...» выступает прп. Сергей Радонежский, поддерживавший князя своим духовным авторитетом. Великому князю Дмитрию противопоставлен рязанский кн. Олег, который сговаривается с Литовским вел. кн. Ольгердом о разделе тех рус. земель, которые они хотели получить от Мамаю. Расчеты Олега рушатся, когда он узнает о сборе рус. войска и благословении, которое дал вел. князю прп. Сергей. Автор «Сказания...» создает образ русского войска, охваченного стремлением победить или умереть за свою землю и веру, объединявшим и простых воинов, и их главу – Дмитрия Иоанновича. Вслед за «Задонщиной» автор «Сказания...» говорит о чудесной помощи рус. войску со стороны св. князей Бориса и Глеба, пришедших с мечами в руках защищать свое «отечество».

Описание событий, предшествовавших битве, и самой битвы в «Сказании...» расходится с данными более раннего источника – «Летописной повести», где говорится, что именно Дмитрий Иоаннович вопреки колебаниям воевод принял решение о переправе через Дон. Согласно «Сказанию...», это решение ему подсказали братья Ольгердовичи. В «Повести...» говорится, что вел. князь сам принимал участие в битве, но лишь в «Сказании...» отмечено, что он оставил командование войском, поставив у знамени в княжеских доспехах боярина М. И. Бренка, похожего на себя, которого и убили ордынцы, приняв его за князя Дмитрия. В заключительной, решающей фазе битвы войском командовали кн. Владимир Андреевич, братья Ольгердовичи и кн. Боброк-Волынский, а вел. князя нашли уже после битвы лежащим под деревом и еще не знавшим об одержанной победе. В этих эпизодах сказалось, вероятно, влияние использованной автором «Сказания...» независимой от московской серпуховской традиции.

В послании на Угру Ростовского еп. Вассиана I (Рыло) вел. кн. Иоанну III Васильевичу в 1480 г. говорится о подвиге князя Дмитрия на Куликовом поле как о готовности к мученичеству за

веру: *«Видев милосердый человеколюбивый Бог непреложную его мысль, како хочет не токмо до крове, но и до смерти страдати за веру, и за святя церкви, и за врученное ему от Бога словесное стадо Христовых овец, яко истинный пастырь, подобяся преже бывшим мучеником»* [7].

Постепенно война с Мамаем, Куликовская битва становились теми событиями в биографии князя Дмитрия, на которых сосредоточивалось внимание, в то время как др. ее стороны оставались в тени. Такой характер носит биография князя в «Книге степенной царского родословия» – памятнике исторической мысли сер. XVI в. В ее вводной оригинальной части содержатся похвалы благочестию Дмитрия Иоанновича, желавшему в жизни подражать «многотрудному животу преподобных отец» и стремившемуся «равен мучеником быти», а также говорится, что его наставниками были выдающиеся подвижники: митр. Алексей, преподобные Сергей Радонежский и Дмитрий Прилуцкий. За исключением рассказа о построении Кремля все содержание биографии князя ограничивается рассказом о войне с Мамаем, почерпнутым из «Летописной повести».

В царствование Иоанна Грозного великий князь Дмитрий получил почетное прозвище *Донской*, так же стали именоваться основанная князем накануне Куликовской битвы церковь Успения в Коломне и хранившаяся там икона Божией Матери, которую царь взял с собой в Казанский поход 1552 г. В «Сказании об основании Троицкого монастыря в Юрьеве» (село в Нижегородской губ. на р. Пьяне) рассказывается, что Иоанн Грозный, узнав во время похода о поражении передовых отрядов, решил вернуться в Москву, однако во сне увидел Тихвинскую икону Божией Матери и Дмитрия Иоанновича, Пресвятая Дева приказала царю продолжить поход [8].

Почиталась гробница великого князя Дмитрия в Архангельском соборе. В «Степенной книге» говорится, что в правление вел. кн. Василия III Иоанновича «у гроба сего святопочившего самодержавнаго великаго князя Дмитрия» чудесным образом «свеща небесным огнем сама по себе возгоряся и необычным светом оба

попы светяше», она горела, не сгорая, много дней; свеча сохранялась в соборе в 1560-х гг. [9]. По сообщению Разрядной книги нач. XVII в., в 1524/25 г. свеча горела 6 дней [10].

С именем великого князя связано предание, известное с рубежа XVII и XVIII вв., об основании князем после Куликовской битвы Угрешского Никольского мужского монастыря, что нашло отражение в иконографии. В XVIII или в XIX в. сформировалась традиция, отразившаяся, в частности, в духовных стихах, которая приписывала Дмитрию Иоанновичу установление в память о победе на Куликовом поле совершать ежегодно 25 октября, накануне своего тезоименитства, панихиды по павшим (см. Дмитриевская суббота) [11].

В «Описании о российских святых» (XVII в.) великий князь Дмитрий характеризуется как «святый благоверный великий князь и царь» (С. 57). В «Иконописном подлиннике» XVIII в. (Филимонов. С. 54) именуется «Московским чудотворцем». Память князя не отмечена в Уставе церковных обрядов московского Успенского собора (ок. 1634) и в Месяцеслове Симона (Азарьина) сер. 1650-х гг. [12]. В «Описании о российских святых», а также в агиографических справочниках Н. П. Барсукова [13], архим. Леонида (Кавелина) [14], архиеп. Дмитрия (Самбикина) [15] память Дмитрия Иоанновича отмечена под 9 мая.

8 сентября 1980 г. в Троице-Сергиевой лавре прошли торжества в честь 600-летия битвы на Куликовом поле.

Благоверный великий князь Димитрий Донской. Икона 90х годов ХХв.

В июне 1988 г. великий князь Димитрий Иоаннович был канонизирован Поместным Собором РПЦ как святой благоверный князь «на основании его больших заслуг перед Церковью и народом Божиим, а также на основании его личной благочестивой жизни, воплотившей спасительную христианскую идею жертвования собой даже до крови ради блага спасения ближних» [16].

МОЛИТВОСЛОВИЯ

Тропарь, глас 3

*Вели́ка обре́те в беда́х тя побо́рника земля́ Ру́сская, /
язы́ки побежда́юща. / Я́коже на Дону́ Мама́еву низложи́л еси́
горды́ню, / на по́двиг сей прия́в благослове́ние преподо́бного
Се́ргия, / та́ко, кня́же Дими́трие, / Христу́ Бо́гу моли́ся, //
дарова́ти нам ве́лию ми́лость.*

Кондак, глас 2

*По́двиги твои́ми, святе Дими́трие, / страну́ на́шу Бог
сохрани́, / да́вый тебе си́лу непобеди́мую. / И ны́не,
предста́телю кре́пкий, / соблюда́й моли́твами святы́ми / град
твой Москву́ невреди́м // от всех наве́т вра́жиих.*

Литература

- ПСРЛ. Т. 3; Т. 4. Ч. 1; Т. 5. Вып. 1-2; Т. 6. Вып. 1; Т. 7-8; Т. 15. Вып. 1; Т. 18; Т. 20. Ч. 1; Т. 23-28; Т. 30; Т. 32-33; Т. 35; Т. 37; Т. 39-40, 42-43 (по указ.); ГВНИП (по указ.);
- Присёлков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950;
- Повести о Куликовской битве. М., 1959;
- Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Ред.: С. О. Шмидт. М., 1960;
- Опись архива Посольского приказа 1626 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Вып. 1-2 (по указ.);
- Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982;
- Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998;
- Клосс Б. М. Избр. тр. М., 1998. Т. 1;
- АСЭИ. 1952. Т. 1. № 57, 165; 1958. Т. 2. № 339;
- Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV-XVI вв. из архива моск. Чудова мон-ря // РД. 1997. Вып. 2: Архивные мат-лы по истории Москвы. С. 3-10. № 1;
- БЛДР. 1999. Т. 6. С. 206-227;
- Московский патерик: Древнейшие святыи Моск. земли. М., 2003. С. 216-243
- Макарий. История РЦ. Кн. 3 (по указ.);
- Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Сев. Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.: Биогр. очерки. СПб., 1889-1891. Т. 1-2 (по указ.);
- Голубинский. Канонизация святых. С. 84-85, 191, 420;
- Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до нач. XV в. К., 1913;

- Пресняков А. Е. Образование Великорус. гос-ва. Пг., 1918;
- Насонов А. Н. Монголы и Русь: (История татар. политики на Руси). М.; Л., 1940;
- Черепнин Л. В. Рус. феодальные архивы XIV-XV вв. М.; Л., 1948-1950. 2 ч.;
- он же. Образование Рус. централизованного гос-ва в XIV-XV вв. М., 1960;
- Янин В. Л. Редчайший памятник моск. сфрагистики XIV в.: [Печать Дмитрия Донского с изображ. царя Давида] // КСИА. 1954. Вып. 53. С. 148-150;
- Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Димитрия Ивановича, царя Русьскаго» // ТОДРЛ. 1970. Т. 25. С. 80-104;
- Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978;
- Куликовская битва: Сб. ст. М., 1980 [Библиогр.: С. 289-318];
- Хорошкевич А. Л. К взаимоотношениям князей моск. дома во 2-й пол. XIV в. // ВИ. 1980. № 6. С. 170-174;
- Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Там же. № 8. С. 3-21;
- он же. Формирование гос. территории Сев.-Вост. Руси в X-XIV вв. М., 1984 (по указ.);
- он же. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, об-во и гос-во в феод. России: Сб. ст. М., 1990. С. 103-126;
- он же. Дмитрий Донской // ВИ. 1995. № 5/6. С. 62-83;
- он же. Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским // Звенигород за шесть столетий: Сб. ст. М., 1998. С. 11-64;
- он же. Договорные грамоты моск. князей XIV в.: Внешнеполит. договоры. М., 2003 (по указ.);
- Флоря Б. Н. Борьба моск. князей за смоленские и черниговские земли во 2-й пол. XIV в. // Проблемы ист. географии России: Сб. ст. М., 1982. Вып. 1. С. 60-70;
- Прохоров Г. М., Салмина М. А. «Слово о житии и о

- преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 403-405 [Библиогр.];
- Мейендорф И., прот. Византия и Моск. Русь: Очерк по истории церк. и культурных связей в XIV в. П., 1990;
 - Турилов А. А. «Все ся минеть»: Отголоски легенды о царе Давиде в рус. сфрагистике и книжности // Славяне и их соседи. М., 1994. Вып. 5. С. 107-113;
 - Lenhoff G. Unofficial Veneration of the Danilovichī in Muscovite Rus' // Culture and Identity in Muscovy, 1359-1584. М., 1997. С. 402-416. (UCLA Slavic Stud. N. S.; Vol. 3);
 - Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000;
 - он же. Московские «примыслы» кон. XIII-XV в. // Средневек. Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 114-190;
 - Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: Тр. юбил. науч. конф. / Отв. ред.: А. Н. Наумов. Тула, 2001;
 - Поволяева Л. Д. Куликовская битва: Указ. лит-ры, 1980-2005. Тула, 2005.

Использованные материалы

- Флоря Б. Н. *Димитрий Иоаннович Донской*. Православная энциклопедия, т. 15, с. 116-132:
 - <http://www.pravenc.ru/text/178205.html>
- Страница сайта Свято-Троицкого прихода в Балтиморе (взяты тропарь и кондак):
 - <http://www.holytrinityorthodox.com/ru/calendar/index.php?yea...o=2>

[1] «Ὁ Ἅγιος Δημήτριος ὁ μέγας πρίγκιπας τῆς Μόσχας», страница греческого сайта ΜΕΓΑΣ ΣΥΝΑΞΑΡΙΣΤΗΣ (Большой месяцеслов), по кн.: Αγαθάγγελος (Χαραμαντίδης), Επ. Φαναρίου, ΜΕΓΑΣ ΣΥΝΑΞΑΡΙΣΤΗΣ (Епископ Фанарийский Агафангел, «Синаксарь Православной Церкви»), Αποστολικῆς Διακονίας τῆς Εκκλησίας τῆς Ελλάδος,

<http://www.synaxarion.gr/gr/sid/3084/sxsaintinfo.aspx>. В греческом календаре эта древняя русская память (см. ниже по тексту) присутствует наряду с памятью 19 мая, установленной в 1988 году – см. «Ὁ Ἅγιος Δημήτριος ὁ μέγας Πρίγκιπας», страница греческого сайта *ΜΕΓΑΣ ΣΥΝΑΞΑΡΙΣΤΗΣ* (*Большой месяцеслов*), по кн.: Αγαθάγγελος (Χαραμαντίδης), Επ. Φαναρίου, *ΜΕΓΑΣ ΣΥΝΑΞΑΡΙΣΤΗΣ* (Епископ Фанарийский Агафангел, «Синаксарь Православной Церкви»), Αποστολική Διακονία της Εκκλησίας της Ελλάδος,

<http://www.synaxarion.gr/gr/sid/3268/sxsaintinfo.aspx>.

[2] в соборном определении 1389 г. Константинопольского патриарха Антония IV говорится, что «великий князь московский Иоанн, умирая, возложил на него [Алексия] попечение, заботу и промышление о своем сыне Димитрии» (РИБ. Т. 6. № 33. Стб. 198)

[3] Присёлков. 1950. С. 427-428

[4] РИБ. Т. 6. № 33. Стб. 198

[5] РИБ. Т. 6. № 16. Стб. 100

[6] Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 30-31

[7] БЛДР. Т. 7. С. 392

[8] Нижегородские ЕВ. 1890. № 4. С. 153

[9] ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 406

[10] Разрядная книга 1475-1605. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 191

[11] Бессонов Е. Калики переходящие: Сб. стихов и исследование. М., 1861. Ч. 1. Вып. 3. С. 673-675

[12] РГБ. МДА. № 201

[13] Источники агиографии. Стб. 152-153

[14] Св. Русь. С. 126-127

[15] Месяцеслов. Май. С. 181-186

[16] Канонизация святых: Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси, 6-9 июня 1988 г., ТСЛ. [М.,] 1988. С. 48

Источник: <https://drevo-info.ru>